

Т.В. Надозирная, Л.А. Скубачевская

Роман-эпопея «Война и мир» Темы, мотивы, символы

В «Войне и мире» Толстой философски осмысляет историю (философское осмысление истории называют историсофией). Толстой разграничивал «историю-науку» и «историю-искусство». «Историю-науку» он по нескольким причинам называл «ложью»: она ставит перед собой невыполнимую задачу — описывать жизнь народа, миллионов людей; в истолковании событий она исходит из их результатов; движущей силой истории она считает волю и цели так называемых исторических личностей. «История-искусство», по убеждению Толстого, «не имеет той связанности и невыполнимой цели, которые имеет история-наука», и, «как всякое искусство, идет не вширь, а вглубь, и предметом ее может быть описание жизни всей Европы и описание месяца жизни одного мужика в XVI веке». «История-искусство» обладает способностью показать сложное переплетение и взаимодействие намерений, интересов, воль многих и разных людей, живущих и действующих в данный момент, то есть показать исторический процесс, ведущий к тому или иному результату, каким принято считать историческое событие. По убеждению Толстого, история есть «деятельность всей массы людей, принимающих участие в событии». Отсюда вытекает, с одной стороны, *признание роли в истории каждой личности*, «принимающей участие в событии», а с другой — *отрицание претензий отдельной личности управлять историей*, быть ее движущей силой. «Свобода человека закована временем», — говорил Толстой, имея в виду, что человек свободен поступать так или иначе, но, свершенный, его поступок уже стал достоянием времени, изменить которое человек не властен. Это накладывает на него ответственность за свой выбор (поступок) перед временем и историей. Претензии же личности направлять историю являются, по мысли Толстого, иллюзией: «Так называемая власть над людьми... есть только наибольшая зависимость от них», «царь — есть раб истории». Такое убеждение наиболее ярко выразилось в изображении Наполеона и противопоставлении ему Кутузова.

Толстой не отрицает полководческого таланта Наполеона, но неизменно сатирически изображает его веру в могущество собственной личности, ее власти над людьми и событиями, показывает «театральность» его поведения как актера первой величины на театре истории. Вернувшись после поездки по линии войск перед Бородинским сражением, Наполеон говорит: «Шахматы поставлены, игра начнется завтра». Сражение для него — игра, некое подобие шахматной партии, победа в которой зависит единственно от его таланта, прозорливости и умения. Не случайно, описывая состояние императора, понимающего, что сражение проиграно, Толстой сравнивает его с азартным игроком:

«Наполеон испытал тяжелое чувство, подобное тому, которое испытывает всегда счастливый игрок, безумно кидавший свои деньги, всегда выигрывавший и вдруг, именно тогда, когда он рассчитал все случайности игры, чувствующий, что чем более обдуман его ход, тем вернее он проигрывает».

Вера Наполеона в то, что каждый его жест, поступок, слово является достоянием истории, приводит к позерству, к ролевому поведению. Когда он получает в подарок от императрицы аллегорический портрет своего маленького сына, то «делает вид задумчивой нежности»:

«Он чувствовал, что то, что он скажет и сделает теперь, — есть история. И ему казалось, что лучшее, что он может сделать теперь, это то, чтобы он с своим величием... чтобы он выказал, в противоположность этого величия, самую простую отеческую нежность».

Для истории предназначена и завершающая эпизод фраза:

«— Снимите его, – сказал он, грациозно-величественным жестом указывая на портрет. – Ему еще рано видеть поле сражения».

Если в данном примере позерство Наполеона вызывает иронию, то оно выглядит нелепым, когда император на Поклонной горе под Москвой несколько часов ждет «бояр» с ключами от русской столицы, заранее продумав речь и позу великодушного победителя, но с удивлением узнает, что столица пуста. Позерство его просто кощунственно, когда Наполеон, объезжая усеянное трупами поле Аустерлицкого сражения, говорит при виде лежащего Андрея Болконского: «Вот прекрасная смерть». Для истекающего кровью князя Андрея смерть не может быть прекрасной. Вера же других в «великого человека» приводит к трагикомическим последствиям: при переходе через реку Вилию польские уланы бросаются вплавь, чтобы продемонстрировать преданность императору, и многие тонут на его глазах. Своего рода итоговым является суждение-оценка Толстого:

«Наполеон, представлявшийся нам руководителем всего этого движения (как диким представлялась фигура, вырезанная на носу корабля, силою, руководящей корабль), Наполеон во все время своей деятельности был подобен ребенку, который, держась за тесемочки, привязанные внутри кареты, воображает, что он правит».

Управлять историей нельзя. Законы, по которым она развивается, Толстой считал недоступными человеческому разуму и потому утверждал, что фатализм в истории неизбежен. Однако бывают моменты, когда сотни тысяч индивидуальных намерений, интересов, воля сливаются воедино — тогда, по мысли Толстого, историческая закономерность становится видимой, ощутимой. Таким моментом была Отечественная война 1812 года. Тогда оказались едиными смоленский купец Феропонт, готовый поджечь собственный дом и лавку, чтобы они не достались врагу; мужики, которые не хотели доставлять французам сено за хорошие деньги и предпочитали жечь его; Ростовы, бросающие свое имущество и отдающие подводы для раненых; москвичи, оставившие свой город, чтобы не быть «под французами»; княжна Марья Болконская, не мыслящая просить покровительство у врагов; крестьяне, ушедшие в леса, организовавшие партизанские отряды и наносившие урон врагу где только возможно; Кутузов с его «народным чувством».

Для Кутузова, в отличие от Наполеона, сражение — не партия в шахматы и люди — не фигуры на шахматной доске. Во время Бородинского сражения Кутузов «не делал никаких распоряжений», потому что понимал, «что руководить сотнями тысяч людей, борющихся с смертью, нельзя одному человеку, и знал, что решают участь сраженья не распоряжения главнокомандующего, не место, на котором стоят войска, не количество пушек и убитых людей, а та неуловимая сила, называемая духом войска, и он следил за этой силой и руководил ею, насколько это было в его власти». Кутузов не позирует для истории и не выбирает слов, которые завтра повторяли бы все, но изданный им приказ моментально становится известным всей армии, «потому что то, что сказал Кутузов, вытекало не из хитрых соображений, а из чувства, которое лежало в душе главнокомандующего, так же как в душе каждого русского человека». Это единое чувство ощутил Пьер Безухов, услышав от одного из солдат: «Всем народом навалиться хотят... Один конец сделать хотят». А на поле Бородина тот же Пьер видит на всех лицах — солдат, офицеров, князя Андрея — ту «скрытую, как говорят в физике, теплоту патриотизма», которая и обеспечила победу русских в 1812 году.

Толстой говорил, что в «Войне и мире» он «любил мысль народную». Но «мысль народная» — это не только изображение войны 1812 года как отечественной, объединившей всю нацию. «Мысль народная» — это и *идея единения*, проходящая через весь роман-эпопею, это и подлинный смысл жизни, к поиску или постижению которого устремлены любимые толстовские герои.

Толстой принадлежит к числу художников, тонко чувствующих природу. Пейзажи приобретают в романе особый символический смысл. Так, символично значение *неба*

Аустерлица и *весеннего дуба* в духовном бытии князя Андрея. В батальных сценах *красота и гармония природы* подчеркивают *противоестественность войны* и позволяют понять, пережить это участникам боев.

Иногда ряд значимых деталей в «Войне и мире» повторяются, выстраиваясь в своего рода символический сюжет. Речь идет прежде всего о небе, и даже точнее — о *звездном небе*, с которым оказывается тесно связанным Пьер Безухов. Знаменитый немецкий философ Иммануил Кант произнес слова, которые позже были начертаны на его могиле:

«Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, — звездное небо надо мной и моральный закон во мне».

Эти слова могут быть философским комментарием ко всем сценам в романе Толстого, когда его герои поднимают глаза к небу и в их душах пробуждается что-то лучшее.

Для Пьера звездное небо навсегда оказалось связанным с любовью к Наташе. В контексте же символического сюжета, связанного с небом, эпизод в плену не исчерпывается обретением Пьером духовной свободы. Соединяя «светлую, колеблющуюся, зовущую в себя бесконечную даль» земли и «глубь уходящих, играющих звезд», Пьер преодолел разрыв между землей и небом и *создал мироздание, единое в своем нравственном совершенстве и гармонии*, а не разделенное на «низ» и «верх».

Как известно, слово «*мир*» имеет в романе Толстого много значений: мир как состояние вне войны; как духовное состояние гармонии, согласия с самим собой; как семейная или возрастная общность («мир» Ростовых, Болконских, Курагиных; детский мир); как крестьянская община; как земной шар; как человечество; как вселенная.

Пьер, обретший духовную свободу, вобравший в себя «мир» как космос, выстрадал понимание его гармонии. На духовно-философском уровне он понял то, что дано было эмоционально пережить Николаю Ростову. В главе романа есть эпизод, когда утром Николай встречается с немцем-хозяином, у которого он был расквартирован:

«Лицо немца вдруг просветлело, как только он увидал Ростова. Он весело улыбнулся и подмигнул: “Доброго утра, доброго утра”, повторял он, видимо находя удовольствие в приветствии молодого человека.

— Уже за работой! — сказал Ростов все с той же радостною, братскою улыбкой, которая не сходила с его оживленного лица. — Да здравствуют австрийцы! Да здравствуют русские! Ура император Александр! — обратился он к немцу, повторяя слова, говоренные часто немцем-хозяином.

Немец засмеялся, вышел совсем из двери коровника, сдернул колпак и, взмахнув им над головой, закричал:

— И да здравствует весь свет!

Ростов сам так же, как немец, взмахнул фуражкой над головой и, смеясь, закричал: “И да здравствует весь свет!” Хотя не было никакой причины к особенной радости ни для немца, вычищавшего свой коровник, ни для Ростова, ездившего со взводом за сеном, оба человека эти с счастливым восторгом и братскою любовью посмотрели друг на друга, потрясли головами в знак взаимной любви и, улыбаясь, разошлись — немец в коровник, а Ростов в избу...»

Мир как единство мироздания и мир как единение людей — это, по Толстому, взаимосвязанные и необходимые явления для бытия человека и человечества, для гармонии единения.